

Коваленко А. П.

Кандидат филос. наук, доцент кафедры социальной работы
ИИПО, ОНУ имени И. И. Мечникова

**ПЕРВАЯ МИРОВАЯ ВОЙНА
БРУСИЛОВСКИЙ ПРОРЫВ**
Памяти Лаврентия Кузьмича Коваленко
Эссе

Исполнилось 100 лет со дня начала Первой мировой войны. Эта дата прошла в Украине малозаметно, что в принципе понятно... – эту войну и в бытности СССР мало вспоминали. Очень жалею, что немногих фронтовиков (буквально – двух, трех), которых я знал и которые принимали в ней участие, я никогда ни о чем не расспрашивал. Наверно, по малолетству.

Первая Мировая война серьезно затронула наш род, нашу фамилию. Лаврентий (Лавро) Кузьмич Коваленко, старший брат отца, с нее не вернулся. Что я о нем знаю? О военных баталиях ничего. Да и о гражданской жизни крайне мало. Но есть несколько деталей его жизни, которые мне хочется вспомнить, то есть, хоть что-то (!), чтобы сохранилась какая-то память на какое-то время. В селе Журавка, где он родился, памяти о нем уже нет. Никакой...

Мой отец, Павел Кузьмич Коваленко, в своих заметках «Поколение, потерявшее мир» несколько раз задушевно вспоминает своего старшего брата, и его память – это моя память.

Хата стояла на краю села, впритык к лесу. Мы были своего рода «подлесники». В силу этого мы хорошо знали, что делается в лесу. Конечно, лес жил своей жизнью, но некоторые его сокровенные тайны потихоньку или во всей

силе доходили и до нас: пробуждение природы, расцвет жизни, трагедии в борьбе за существование, какие-то необычные или кажущиеся таковыми явления.

Хорошо было летом. Летом появлялись ягоды, лесные орехи, грибы. Но лес был княжеский, и в этом была основная граница между ним и нами... Наши возможности в лесу напрямую зависели от милости и настроения лесников...

А они, лесники, видимо, больше всего опасались наших костров, чего, к слову, мы никогда не делали, и даже не думали об этом.

Хорошо было летом: тепло, больше еды, журавские зори и закаты, детские бесконечные разговоры с такими же пастушками, как и я.

Хорошо было летом: летом я был пастух (неплохо знающий свое дело) – маленький командир, командир стада. Трудно было и скучновато, но я старался как-то разнообразить свою пастушечью жизнь. Неизбежные разговоры с животными и птицами (гусями), командирские приказы развивали мою я.

Хорошо было летом и от одной мысли: зимой все будет совершенно по другому, а потому радуйся тому, что есть сейчас.

Скучно, порой очень скучно было зимой. Неприятными, хотя в чем-то разнообразящими нашу зимнюю нудную жизнь были волки. В лютые морозы волки подходили настолько близко к хате, что казалось... заглядывают в обледенелые окна. А может быть, так оно и было. А потом начинали вить, да так, что «кровь стыла в жилах». Мама же вела себя совершенно спокойно и подбадривала нас: «Ну, чего вы боитесь? Для вовка вити, цо для людини говорити. Таким його створив Бог».

Мамо! А вовки не залізуть у вікна?

Вікна маленькі, то як вони залізуть?

*А голову може просунути?
І це не зможе,
А якщо зможе? І просуне голову?
Тоді Федір вдарить його сокирою по голові.
А може краще йому підпалити рило?
Все оживляються, смеються.*

Ні, не можна, бо хата може згоріти... Лавро с полусерьезным видом: «Не треба його ні бити сокирою, ні підпалювати рило. Його треба переконувати. – Ти такий багатий: у тебе весь ліс з зайцями, оленями, кабанями, лисами, а у нас клаптик землі. Ти такий дружний: – бач скільки у тебе друзів, а у нас?.. Ти такий сильний: тебе всі бояться, а хто боїться нас? Вовк звір дуже дотепний і все розуміє. Незадовго до Первой мировой войны с Лавро произошло удивительное, какое-то мистическое событие, которое я вспоминал десятки раз в разных разговорах.

Приходит брат из леса какой-то взъерошенный, бледный, вздыхает, садится на табуретку.

«Ну, Павло, і історія вийшла... Іду я лісом, аж раптом бачу: зовсім поруч від мене стоїть вовк. Я завмер, перелякався. Розумієш: в мене до того ж і в руках нічого нема... Вовк підійшов до мене і... почав тертися боком, як це роблять коти, чи собаки. Спочатку з однієї сторони, потім з іншої і тихенько, мирно пішов у хаці...

Коротко резюмирую: история в духе барона Мюнхаузена (о котором я тогда, разумеется, понятия не имел). Но то, что старший брат говорил абсолютную правду, я ни капельки не сомневался, ни тогда, ни, понятно, сейчас.

Если бы то, что случилось с братом, ему приснилось, мы, его братья, наверняка бы мудрствовали: «что это значит?», «к чему?» А так что: произошло необычное явление, своего рода маленькое чудо – и все. Но если бывают «вещие сны», «сны подсказки», то почему бы и не

быть «вещим событиям», «событиям-подсказкам» – самой жизни? Как их расшифровать?

...Волки выли, а мама все подбрасывала дрова в печь: в хате становилось теплее, и волки уже казались в каком-то другом мире. Мы залазили на печь, подталкивая друга друга под бока, щипая, смеясь.

Хто зна саму страшну історію?

Я знаю про вовка, який може становитись людиною і навпаки.

Мама прислушивається...

Я вам зараз дам страшну історію! Хто там такий розумний?

Негайно спати!

Мы засыпаем, и каждый видит свои сны. А волки обязательно снились нам зимой, что называется по очереди. И снились по-разному. А какие сны видела мама?

После истории с волком с моим братом Лавро произошла другая, тоже история – но не сказочная. Будучи в Ольшане, проехался он публично по каким-то российским порядкам. Его заметили, вызвали и избили там же в Ольшане. Естественно, предупредили. Пришел брат домой неразговорчивый, удрученный, мрачный. Вылил на голову кувшин воды, выпил кружку воды и пошел вглубь сада, что-то постелил на траву и лег. Прослышав о случившемся, к нему стрелой понеслась мама: не то с криком, не то с плачем.

Я не знаю, что она сказала Лавро, но, скорее всего: «Ти і Федір моя перша надія і опора. Ти сильний, ти розумний і з тобою таке зробили... і чого ти синку добився? Чого?..»

Это было незадолго до того, как мама в 1916 г. получит похоронку: «Ваш сын Лаврентий Кузьмич Коваленко...» Первая мировая война. Первая для мира, первая и последняя для моего старшего брата...

Интересная деталь. Лаврентия, Лавро Коваленко, призывали в армию еще в мирное время. Однако, Матрена Михайловна Жежерун, его мать поехала по этому вопросу к губернатору. Она легко к нему попала и попросила не призывать сына в армию. Губернатор ее внимательно выслушал и сказал, что поскольку вы одна воспитываете детей, вашего сына призывать не будут, не беспокойтесь. Но, если, не дай Бог, война, то... П. К. Коваленко часто вспоминал эту историю, сопоставляя ее с деяниями ряда советских бюрократов.

В 1964 г. я купил сборник «Лирика» А. Блока. Поставил обычный для меня в таких случаях «автограф» на внутренней обложке и дату покупки. Начал читать и наткнулся на где-то уже слышанное стихотворение, написанное в связи с Первой мировой войной.

«Петроградское небо мутилось дождем, На войну уходил эшелон. Без конца – взвод за взводом и штык за штыком, наполнял за вагоном вагон.

В этом поезде тысячи жизней цвели Боль разлуки, тревоги любви, Сила, юность, надежда... В закатной дали были дымные тучи в крови.

И, садясь, запевали Варяга одни, А другие – не в лад Ермака, И кричали ура, и шутили они, И тихонько крестилась рука».

Нет для меня Первой мировой войны без мыслей о брате.

Вторично прочитал «Мои воспоминания» А. А. Брусилова. В предисловии к книге Брусилова характеризуют как «выдающегося полководца». Похоже, что это так. Он осуществил, казалось бы, немыслимый прорыв австро-германского фронта в мае-июле 1916 года. Описывая блестящие действия Юго-Западного фронта,

он приводит много убедительных цифр, подтверждающих это. Но, к сожалению, он ничего не пишет о наших потерях в первые дни. «С рассветом 22 мая на назначенных участках начался сильный артиллерийский огонь по всему Юго-Западному фронту». В этот день погиб мой старший брат Лавро.

У нас очень мало научной исторической и художественной литературы о Первой мировой войне. Что бы о ней рассказал старший брат?

Мрачный и жестокий лик этой войны, крушение иллюзий, массовая гибель людей как надругательство над красотами мира и жизни художественно сильно показал английский писатель Ричард Олдингтон. Его «Прощайте, воспоминания» прочитал от корки до корки.

Прочитал у М. Пришвина: «Первая мировая война. Не понимаю, какая это может быть новая счастливая жизнь после войны, если после нее освободится на волю такое огромное количество зла. Зло – это рассыпанные звенья оборванной цепи творчества. А сколько во время войны рассыпалось творческих жизней!» Вторая мысль понятна. Первая мировая война дала старт массовому злу в двадцатом веке. Я думаю, что не изменю, а лишь продолжу мысль писателя, что Первая мировая война породила Вторую мировую. Во всяком случае, по логике, выходит именно так. Мстительный, но совершенно закономерный Версальский договор союзников, ставший «унизительным» для Германии содержал крупные зерна для начала Второй мировой.

Он же выглядел хорошим стимулом для традиционной немецкой политики «драх нах остен».

По отношению к людям, прошедшим Первую мировую войну, душевно травмированным и нередко внутренне

опустошенным, обычно используют термин «потерянное поколение».

Выражение это впервые употребила писательница Гертруда Стайн в беседе с Э. Хемингуэем, который использовал его в качестве эпиграфа к роману «И восходит солнце» (1926): «Все вы – потерянное поколение».

О судьбе фронтовиков, вернувшихся в мир житейских и безразличных людей, писали У. Фолкнер, Дж. Дос Пассос, Дж. Голсуорси. В 1929 г. были опубликованы три великих произведения: «Прощай оружие!» Э. Хемингуэя, «Смерть героя» Р. Олдингтона, «На западном фронте без перемен» Э. Ремарка.

У нас нет такой литературы, как и не было «потерянного поколения» (в указанном смысле), поскольку множество фронтовиков активно включились сначала в революционные события 1917 года, а затем и в Гражданскую войну.

По какому пути пошел бы Лавро Коваленко неизвестно, но одни из последних его слов с передовой: «После всего того, что я уже пережил, я ничего не боюсь...»

Брусиловский прорыв считается очень крупной победой Российской империи в Первой мировой войне. Войска Центральных держав были отброшены на 160 км. Но и потери при этом были большими. И сколько там погибло украинцев?.. Имя одного из них я здесь озвучил. Пусть это будет свеча памяти.